

ЖОЗЕФ НАДЖ:
 «ТЕАТР —
 ЭТО АКТ
 СОПРОТИВЛЕНИЯ»

К 120-летию ОСИПА
 МАНДЕЛЬШТАМА
 ХОРЕОГРАФ ЖОЗЕФ НАДЖ
 ПОСТАВИЛ СПЕКТАКЛЬ
 «ШЕРРИ-БРЕНДИ»

Екатерина Васенина

Театральная Москва любит хореографа Жозефа Наджа: он загадочен, инфернально красив и глубок. Подобно Марселю Марсо, в чьей парижской школе Надж начинал свою французскую театральную жизнь, он аскетичен в выборе выразительных средств: пустая сцена, один и тот же черный костюм в течение всего вечера, многих вечеров, многих лет. Ограничивая себя в мелочах, Надж подчеркивает могущество искусства, способного из ничего создать целый мир.

Герой Наджа — порождение постмодерна, переводчик Кафки, Анри Мишо и Мандельштама на язык сцены и тела. Надж не желает быть простым развлекателем, но и не запирает свое творчество на сложные кодовые замки: каждый, кто даст себе труд ознакомиться с литературным источником, посидеть над альбомом художника, с которым Надж сочинял спектакль, многие поймет и, скорее всего, восхитится.

В «Философах» 2002 года по прозе Бруно Шульца Надж соединил пластику восточных единоборств, классический балет, миманс и театр Петрушки. В «Дневнике Неизвестного», показанном в рамках фестиваля NET 2004 года, казалось, что герой Наджа не уверен в главном — в существовании себя. До выхода на сцену с ним что-то случилось, он потерялся. А может быть, нашел дневник Неизвестного и теперь отанцовывает, играя, чужую

*Pat wisi blam
 alis autatie
 magnit velese
 molor autat la
 augueriure tem
 ad dolobore tet
 velit in ullan
 henibh ea at
 luptat, sequi tin
 eliquat.
 Wisi. Lut*

жизнь, обживает чью-то судьбу. Сфокусировав взгляд на плече или животе, персонаж не уверен, что понимает назначение увиденного, не верит, что и плечо, и живот — его. Он начинает танец — мучительный поиск, танец-доказательство себя. Открывает двери, заглядывает в окна, вскрывает сундуки и коробки, как будто там можно найти свою душу, пересыпанную нафталином и ватой для сохранности. Хореография воспоминаний заводит героя в ванную комнату, ему попадает на глаза манекен, одетый в точно такой же костюм. Манекен бережно снимается с подставки, укладывается в ванну (или гроб?) и тихонько покачивается на покатых боках, как колыбель. Нет, наверное, себя не отыскать.

Разве попробовать еще? Так: рука сгибается в локте, нога в колене, пальцы сжимаются в кулак и рассекают пространство. Прыжки из угла в угол, под-

LISL UTE MAGNIT NIT PRAT.
 DUIP EXERO DO ODIGNA
 COMMOLUMSAN HENIBH
 EX ETUE MING EUM INCILLA
 CORE DUNT LUMSANDIO
 ET, SEQUIPIT INCIPIT IRIT
 VELIQUISL UT ACIDUNT
 AUT NIM DO OD MAGNIM
 VOLORE VELIS NOS AM,
 COMMOD

LISL UTE MAGNIT NIT PRAT.
 DUIP EXERO DO ODIGNA
 COMMOLUMSAN HENIBH
 EX ETUE MING EUM INCILLA
 CORE DUNT LUMSANDIO
 ET, SEQUIPIT INCIPIT IRIT
 VELIQUISL UT ACIDUNT
 AUT NIM DO OD MAGNIM
 VOLORE VELIS NOS AM,
 COMMOD

скоки на месте с заложенными за спиной руками – то вкрадчиво и упруго, то яростно и наотмашь. Но мышеловка собственного тела держит крепко, и воспоминаниям, какие бы восхитительные или чудовищные они ни были, не вырваться – мелькнут на секунду в жесте и снова юркнул в тело, тешить и мучить тебя.

Подтверждение своей телесности – одна из главных функций европейского современного танца, особенно важной в условиях нарастающей техногенности цивилизации, где человеку с его потребностями в физических действиях часто нечего делать.

Самобытный визуальный язык спектаклей Наджа отсылает к его знаменитым землякам-фотографам, которые тоже писали историю искусства и ломали устои, обретая признание на Западе. Создатель знаменитого парижского фотоагентства «Магnum» Робер Капа, фотомэтры Брассай и Ласло Мохой-Надь были революционерами в фотографии, как и Надж (Надь!) в театре, один из первых алхимически смешавший театр, танец и видео. Творчество венгерских фотографов перекликается со спектаклями Наджа, а герой «Днев-

*Pat wisi blam alis autatie magnit velese molor autat la
 augueriure tem ad dolobore tet velit in ullan henibh ea at
 luptat, sequi tin eliquat.
 Wisi. Lut*

ника» похож на читающего газету ангела с известной фотографии венгра Каролай Эшера («Ангел мира», 1938): ангел в круглых очках сидит на скамейке, читает газету, улыбается. А мы, зная, что Надж черпает спектакли из собственной памяти, не сомневаемся, что в его памяти живет и этот знаменитый ангел – и именно он спасет Неизвестного, когда черная ночная тоска занесет над его горлом топор. Сказочный хронотоп, созданный Наджем, допускает такие неожиданные хеппи-энды.

В 2006-м, будучи арт-директором Авиньонского фестиваля, Джозеф Надж спектаклем «Асобу» отправлялся в метафорическое путешествие вслед за своим любимым писателем Анри Мишо. Если Мишо исследовал границы нормы и допустимого на своей психике,

то Надж в масштабе многотысячного фестиваля исследует границы политкорректности и расовой терпимости – больных тем современной Европы. Что получается, когда границы культур напозаюют одна на другую? Как меняется от этого европейский культурный ландшафт?

Чеховский театральный фестиваль 2010 года попросил нескольких режиссеров поставить Чехова к его юбилею. Это парадоксальным образом дало Наджу возможность вытанцевать на сцене поэзию Мандельштама, соединив ее с рассказами Варлама Шаламова и повестью Чехова «Остров Сахалин». Глубина проникновения Наджа в русскую литературу поражает. «Я уже давно думаю о Мандельштаме, – говорит хореограф, – много его читал и много

знаю о его жизни. Меня давно преследует образ человека, которого в тюрьме кормили соленым и морили жаждой. Образ поэта, который находится на грани жизни и смерти. Я хотел связать Мандельштама с Чеховым. И понял, что Мандельштам с ГУЛАГом географически и эмоционально находится в той же стороне, где чеховский остров Сахалин. Получившаяся пьеса – дань уважения человеку, который сопротивляется до последнего, в любых условиях, самых трудных. У меня есть своя теория на этот счет. Мне кажется, что мы переживаем сейчас новый ГУЛАГ, совершенно другой, естественно. Другие риски, другой контекст. Я говорю не о России, вообще о мире. Делается все, чтобы отнять у человека возможность самовыразиться. Массы подвергают анестезии, чтобы они занимались чем угодно, кроме главного. Для меня театральная постановка – тоже акт сопротивления, способ защитить свой подход к реальности. А, конечно, этот спектакль, кроме того, – мой акт признательности русской культуре».

ЖОЗЕФ НАДЖ (ЙОЖЕФ НАДЬ)

Хореограф, режиссер, художник, танцовщик с мировым именем. Венгр по происхождению, он родился в 1957 году в Сербии. Оказавшись в Париже в 1980 году, учился в школе Этьена Декру и Марселя Марсо. Последние 15 лет руководит Центром современной хореографии во французском Орлеане. Надж дважды получал премию «Золотая маска» в номинации «Лучший зарубежный спектакль, показанный в России».

CHOREOGRAPHER JOSEF NADJ
STAGED THE PRODUCTION OF
"CHERRY-BRANDY" FOR THE
120 TH ANNIVERSARY OF OSIP
MANDELSTAM'S BIRTH.

Ekaterina Vasenina

JOSEF NADJ:
"THEATRE
IS AN ACT
OF RESISTANCE»"

Theatre-going Moscow loves choreographer Josef Nadj: he is mysterious, infernally handsome and profound. Much like Marcel Marceau, in whose Paris School he began his French theatre life, he is ascetic in his choice of expressive media: an empty stage, the same black suit during the course of an entire evening, many evenings, many years. By exercising restraint in little things, Nadj underlines the power of art that is capable of creating an entire world out of nothing.

Nadj's protagonist is a product of postmodernism, an interpreter of Kafka, Henri Michaux and Mandelstam into the language of the stage and body. Nadj does not wish to be a simple entertainer, but neither does he keep his work locked away behind sophisticated combination locks:

*Pat wisi blam alis autatie magnit velese molor autat la
augueriure tem ad dolobore tet velit in ullan henibh ea at
luptat, sequi tin eliquat.
Wisi. Lut*

windows, unlocks the various trunks and boxes, as if in there he could find his soul, packed with mothballs and cotton balls for safekeeping. The choreography of memories leads the protagonist into the bathroom, where he sees a mannequin dressed in the exact same suit. The mannequin is carefully removed from its stand, laid into the bathtub (or a coffin?) and gently rocked on its sloping sides like a cradle. No, I guess it's impossible to find oneself.

Perhaps, though, he should try again? And so: the arm bends at the elbow, the leg – at the knee, the fingers tighten into a fist and slice through the air. Jumps from corner to corner, bounces on the spot with hands behind the back – stealthily and springily one moment, and with a fierce raw power the next. But the body's mousetrap keeps a tight hold on it, and no matter how delightful or monstrous the memories may be, they cannot break free – there will be a momentary flicker of them in a gesture, and they will slip back into the body to comfort and torture you once more.

The confirmation of one's corporality is one of the main functions of the contemporary European dance; a function made all the more vital by the increasingly technogenic society, where man with his need for physical action often has very little to do.

The distinctive visual language of Nadj's plays refers us back to his famous fellow countrymen and photographers, who also

LISL UTE MAGNIT NIT PRAT.
DUIP EXERO DO ODIGNA
COMMOLUMSAN HENIBH
EX ETUE MING EUM INCILLA
CORE DUNT LUMSANDIO
ET, SEQUIPIT INCIPIT IRIT
VELIQUISL UT

anyone who takes the trouble to review the literary source, to peruse the album of the artist, who worked with Nadj on writing the play, will understand a lot and will most likely be overcome with awe.

For his 2002 play "The Philosophers", based on the prose of Bruno Schulz, Nadj combined the plasticity of the martial arts, classical ballet, mime and the Petrushka theatre. In "Diary of an Unknown Man", which was presented at the 2004 NET Festival, it seemed that Nadj's protagonist was unsure of the most essential thing – his own existence. Something happened to him prior to going on stage, he lost himself. Or maybe he found the diary of an Unknown Man and is now dancing out and playing out someone else's life, making himself at home in someone else's destiny. Staring at his shoulder or stomach, the character is not certain that he understands the meaning of what he is seeing, does not believe that the shoulder and the stomach are, in fact, his. He begins his dance – an agonizing search, a dance that is meant as proof of his existence. He opens doors, peeks into

wrote the history of art and broke down its foundations, earning recognition in the West. Robert Capa, founder of "Magnum Photos", a famous photographic agency in Paris, masters of photography Brassaa and Laszlo Moholy-Nagy were all revolutionaries in the field of photography, much like Nadj is in theatre – he was one of the first to do an alchemic combination of theatre, dance and video. The works of these Hungarian photographers echo Nadj's theatre productions, and the main character of "Diary" resembles the newspaper-reading angel from the famous photograph of the Hungarian Karoly Escher ("Angel of Peace", 1938): an angel in round glasses is sitting on a bench, reading a newspaper and smiling. And, since we know that Nadj draws inspiration for his plays from his own memory, we have no doubt that this famous angel lives in his memory as well, and it will be this angel who will save the Unknown Man, when the dark anguish of the night raises its axe over his neck. The fairy-tale chronotope created by Nadj allows for such unexpected happy endings.

In 2006, when he was art director of the Avignon Festival, Josef Nadj with his production of "Asobu" set off on a metaphorical journey following his favorite writer Henri Michaux. Where Michaux explored the boundaries of normal and acceptable on his own psyche, Nadj explores the boundaries of political correctness and racial tolerance – sensitive topics for contemporary Europe – on the platform of a multi-thousand person festival. What happens when the boundaries of various cultures begin to run over one another? How does that impact the European cultural landscape?

The 2010 Chekhov Theatre Festival asked several directors to stage a production of Chekhov's play for the anniversary of his birth. Paradoxically, this gave Nadj the opportunity to dance out Mandelstam's poetry on stage, by combining it with Varlam Shalamov's tales and Chekhov's story "The Sakhalin Island".

JOSEF NADJ

A choreographer, a director, an artist, and a world-class dancer. Hungarian by birth, he was born in 1957 in Serbia. In 1980 he came to Paris and studied with Etienne Decroux and Marcel Marceau. For the past 15 years he has directed the National Choreographic Center of Orleans. Nadj is a two-time recipient of the "Golden Mask" Award in the "Best Foreign Production Presented in Russia" category.

The depth of Nadj's insight into the Russian literature is astounding. "I have been thinking about Mandelstam for a long time," says the choreographer. "I have read many of his works and know a lot about his life. I have long been haunted by the image of a man who was fed salted food and not given any water. The image of a poet, who teeters on the brink of life and death. I wanted to connect Mandelstam and Chekhov. And I realized that Mandelstam with the GULAG is geographically and emotionally in the same area as Chekhov's Sakhalin Island. The resulting play is homage to a man, who resists to the bitter end, under any conditions, even the most difficult ones. I have my own theory regarding this. I believe that we are now living in a new GULAG, a completely different one, of course. Different types of risks, a different context. I am not talking about Russia specifically, but about the world in general. Everything is being done to take away a man's freedom of self-expression. The masses are being anesthetized to get them to do anything other than what is the most important. A theatre production to me is likewise an act of resistance, a way of defending my own approach to reality. And, of course, this particular production is also my way of expressing my gratitude to the Russian culture."